

Валентин Холмогоров

БУМАЖНОЕ НЕБО

```
57          PUSH EDI
6A 00       PUSH 0
FF95 5704   CALL DWORD PTR:[EPB+45A]
8938        MOV DWORD PTR:[EAX],EDI
8D78 04     LEA EDI,[EAX+4]
8D85 7704   LEA EAX,[EPB+477]
          57          PUSH EDI
          50          PUSH EAX
E8 4600     CALL DECOMPRESS
          FF8A        MOV ESI,EAX
A8 0F8A     XOR EAX,EAX
          83EF        SUB EDI,4
          F300        PUSH EDX [0]
          REP STOP BYTE [PTR]
          TEST ESI,EAX
          JUMP EAX
          BYTE POPD RETN
          PUSH EDI [EXT]
          CALL DWORD MAX [EAX]
```


[% КИБЕРРОМАН %]

Валентин Холмогоров

Бумажное небо

«Страта»

2016

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос)

Холмогоров В.

Бумажное небо / В. Холмогоров — «Страта», 2016

ISBN 978-5-906150-55-4

Уверены ли вы в безопасности, когда остаётесь наедине с собственным ноутбуком? Верите ли вы, что действительно в эти минуты одни? Каждую секунду в мире заражается вирусом как минимум один компьютер, каждый день на Земле совершается 1,5 миллиона успешных кибератак, каждый год с банковских счетов бесследно исчезает более 100 миллиардов долларов. Роман «Бумажное небо» ведет читателей в невидимый зловещий мир киберпреступников....Если человек долго балансирует на грани, его шансы сорваться вниз несколько не снижаются. Однако инстинкт самосохранения день ото дня тает из-за обретенной привычки к риску. Мозг постепенно учится вырабатывать антитела к вирусу страха. Пропасть всё ближе, но разум не бьет тревогу, смирившись с головокружительной пустотой под ногами...Издание не рекомендуется лицам младше 18 лет.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос)

ISBN 978-5-906150-55-4

© Холмогоров В., 2016
© Страта, 2016

Содержание

Глава 1. Из чистого истока...	6
Глава 2. MeGaZ0Id	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валентин Холмогоров

Бумажное небо

Киберроман

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещена в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

All rights reserved. No parts of this publication can be reproduced, sold or transmitted by any means without permission of the publisher.

Правовую поддержку издательству оказывает юридическая компания «Усков и партнеры».

© Холмогоров В., 2016, текст

© ООО «Страта», 2016

* * *

Тем, чья жизнь протекает за клавиатурой компьютера.
Тем, кто смотрит на мир сквозь яркое окно монитора.
Тем, для кого реальность по обе стороны этого окна близка и понятна.
Тем, кто *знает*.

Имя нам Легион.

Мы не прощаем.

Мы не забываем.

Ожидайте нас.

Девиз хакерского движения Anonymous

Все персонажи и события, описанные на страницах этой книги, являются вымышленными, а любые возможные совпадения – случайны.

Глава 1. Из чистого истока...

Седые предания гласят, что люди, населявшие некогда нашу планету, измыслили для себя совершенно иную, непривычную нам модель мироздания. Она была проще и в то же время гораздо сложнее. В их наполненной чудесами вселенной обитали демоны и лешие, ведьмы и оборотни, а каждый камень, каждое дерево в лесу представлялись естественным воплощением незримого духа, обитавшего где-то за границей материального мира. Однако бесстрастное и безжалостное колесо цивилизации в конечном итоге втоптало мифологию в глубокую колею научного мировоззрения, заточив осколки объективной реальности в тесные клетки менделеевской таблицы. Человечество, добровольно променявшее пентаграммы на инстаграммы, не оставило в своей системе ценностей места неизведанному.

И все же волшебство существует, только отныне обитает сов сем не там, где ищут его многочисленные оккультисты и эзотерики. Оно не витает в горних сферах невидимым эфиром, не сосредоточено в философском камне и не скрыто меж пыльных страниц древних гримуаров. Оно течет по проводам. Лицезреть события, происходящие в эту минуту на другом краю Земли, одним движением руки останавливать целые фабрики, погружать во тьму города, поворачивать вспять денежные потоки и менять судьбы людей – это ли не истинная магия нового тысячелетия? «Кто владеет информацией, тот владеет миром», – гласит затертая до дыр цитата, вложенная историками в уста знаменитого банкира и финансиста. И все-таки Ротшильд был прав – но и не прав одновременно. Сегодняшним миром по-настоящему владеет тот, кто способен информацией управлять.

Застоявшийся воздух пропитан приторным антисептиком, точно ворох старой одежды на прилавке провинциального секонд-хенда. Массивная металлическая дверь надежно гасит звуки, превращая реальность по ту сторону двойного стекла, армированного на всякий случай провололочной сеткой, в нелепое немое кино. Единственное окно показывает пыльную автомобильную стоянку под пронзительно-синим небом, свисающий с потолка вентилятор лениво пережевывает густой летний зной.

За столом – двое: толстый коротышка с вечно потеющей лысиной Макс уже знаком, его зовут Натан. Второй обитатель каморки, коренастый темноволосый мужчина в свободной рубашке навывпуск, белизна которой только подчеркивает шоколадный оттенок его обветренной кожи, смотрит оценивающе, с эдаким брезгливым любопытством. Наверное, еще один гость из ШАБАКа¹. Все-таки местные шотрим² выглядят попроще, да и нечего им тут делать, если разобраться.

– Садись, – с легким акцентом произносит по-английски Натан. – Минералки? Чаю?

– Нет, спасибо. – Макс устало опускается на стул, растирает затекшие запястья.

– Я хочу задать тебе несколько вопросов, – поворачивается к нему Натан, на его лысине вспыхивает и гаснет золотистый солнечный блик, – нужно уточнить некоторые детали твоей биографии.

– Могу я связаться со своим адвокатом?

– Это не для протокола. Видишь, я ничего не записываю.

Стол и вправду девственно чист, нет ни листочка бумаги, ни ручки, но Макса не покидает уверенность, что поблизости спрятан диктофон.

– Адвоката, Натан.

¹ ШАБАК – сокращение от «Шерут Битяхон Клали», Общая служба безопасности Израиля.

² «Полицейские» – ивр.

Мужчина в белой рубашке неожиданно сотрясает воздух длинной тирадой, густо нафаршированной шипящими и хрипящими согласными. Макс расслабленно откидывается на спинку стула и с безразличием смотрит в потолок, где по-прежнему водят свой бесконечный хоровод пластиковые лопасти вентилятора: смысла прозвучавшей фразы и последовавшего за ней ответа он не понимает, поскольку его словарный запас на иврите ограничивается лишь несколькими скудными идиомами.

– Послушай, не зли меня, парень, – вновь обращается к нему на английском старый знакомый, – пока я еще разговариваю с тобой по-хорошему. Или ты хочешь в Америку? Сейчас все хотят в Америку. Мы можем легко это устроить.

Макс досадливо морщится: в Америку он, конечно, не хочет, даже несмотря на то, что данное чувство никак нельзя назвать взаимным – Америка, вполне вероятно, желает заполучить его. По крайней мере он слышал, что власти этой страны не так давно настойчиво интересовались по линии Интерпола его скромной персоной.

– А может, ты скучаешь по родине? – хитро щурится Натан. – Нет?

На родину тянет еще меньше – там его тоже ждут с нетерпением. И точно не с распростертыми объятиями.

– Так ты собираешься отвечать на вопросы?

– Валяйте, – вздохнув, откликается Макс по-русски.

– Ма зе «*валейти*»? – растерянно переспрашивает смуглый, но Натан, кажется, прекрасно понимает без перевода:

– Скажи, когда ты впервые занялся программированием?

Макс усмехается: его собеседник зачем-то и вправду употребил «for the first time», словно речь шла о первом поцелуе или о самой первой, выкуренной тайком от родителей сигарете.

– В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году.

– В восемьдесят восьмом у вас в России были компьютеры? – Натан, кажется, немного удивлен и обескуражен этим ответом.

– У меня не было, – чуть помедлив, словно подбирая слова, произносит Макс и с удовольствием отмечает проступившее на лице визави растерянное выражение.

Чудесная метаморфоза, непостижимым образом превратившая Максима Борисовича Шельта из костлявого тонконогого мальчишки в долговязого и угловатого юношу, страдающего от несовершенства окружающего мира и угревой сыпи, пришлась на тот самый исторический момент, когда трое дряхлых старцев под треск винтовочного салюта один за другим обрели вечный приют у подножия Кремлевской стены, а пришедший им на смену красноречивый агроном, путаясь в ударениях, уверенно покорял сердца домохозяек своим ораторским искусством и по стопам предшественников вроде бы не торопился. В воздухе все отчетливей витал запах перемен, пока еще не набравший силу, едва ощутимый, и потому население огромной страны настороженно принюхивалось, полупшепотом обсуждая в курилках, не смахивает ли часом этот принесенный новым руководством дивный аромат свободы на вонь ставропольского деревенского нужника.

Максима угораздило родиться коренным обитателем тех ленинградских кварталов, которые спустя два десятилетия станут вместилищем блистательных ресторанов, шикарных отелей и бутиков, тем сакральным местом, где вынырнувшие из неведомых глубин на поверхность мироздания дамы и господа смогут потратить часть своего состояния на модный галстук от «бриони» или актуальные в этом сезоне трусы в ритме танго.

А до этого район представлял собою царство гулких проходных дворов-колодцев с ребристыми цилиндрами мусорных баков возле облупленной стены да заросших бурьяном пустырей, посреди которых торчали ржавые коробки гаражей – по их гулким крышам было так здорово носиться наперегонки с друзьями, играя в войнушку. Зассанные парадные таили в своем

тянущем подвальным болотом полумраке жуткие коммуналки с захламленными коридорами, петляющими от входной двери куда-то в искривленную неевклидову бесконечность. Коридоры неожиданно венчались типовой кухней на десять квадратных метров, где неизменно протекал потолок и вся общественно-политическая жизнь местного социума. Крашенные зеленой краской стены, закопченная и почерневшая побелка, простуженно сипящий и капающий кран над раковиной в кроваво-ржавых потеках, да мутное окно, сквозь которое прозревался все тот же унылый пейзаж эпохи позднего социализма: пустырь, древние гаражи и ребристые мусорные баки в тесном бетонном загоне. В одной из таких квартир и прошло детство Максима Шельта.

Отца Максим совершенно не помнил, а о матери знал только то, что она строит какие-то военные корабли и потому бесконечно пропадает в командировках, периодически всплывая то в акватории Северодвинска, то возле каменистого дальневосточного побережья, и лишь изредка заходит в родную гавань пополнить истощившиеся запасы жизненных сил. Все ранние годы он провел в скитаниях между тесной панельной однушкой, где обитала мама, и чуть более просторной комнатой в центре – вотчиной бабушки. Там он появлялся гораздо чаще, а когда пошел в школу, и вовсе перебрался в этот дом насовсем. «Ты же понимаешь, – говорила бабушке мама, когда Максим затихал, накрывшись с головой одеялом и притворившись спящим, – из-за него мне приличного мужика в дом не привести». Почему нельзя привести в дом неприличного, который позволил бы ему видаться с мамой чаще, Максим никак не мог взять в толк.

В комнате бабушки уютно пахло духами «Красная Москва», настоянными на терпком аромате валокордина, в углу возвышался заботливо накрытый ажурной салфеткой черно-белый телевизор «Ладога» на дистрофичных полированных ножках, а на старинном серванте меж фарфоровыми слонами размеренно считали секунды его жизни огромные каминные часы, трогать которые Максиму категорически запрещалось. Бабушка любила курить на кухне «Беломор», кутаясь в темно-серый пуховый платок, схожий оттенком с таким же безрадостным и низким ленинградским небом, готовила по выходным вкусные оладьи и виртуозно ругалась с вечно поддатым соседом Валериком, обзывая того «поцем» и «шлимазлом», однако отвечивала Максиму звонкий подзатыльник всякий раз, когда тот решался повторить за ней эти непонятные звучные слова.

Школу Максим ненавидел. Нет, он тянулся к знаниям, однако вместо таковых регулярно получал в родном учебном заведении лишь туманы от одноклассников, с которыми кардинально расходился в плане мировоззрения. Даже несмотря на утверждение классной руководительницы Максима Нонны Шаевны, монументальной громогласной женщины и гордой носительницы бескрайней, как просторы среднерусской возвышенности, задницы, о том, что интересы коллектива всегда должны стоять превыше интересов индивидуума, Максим никак не мог заставить себя курить под лестницей подобранные на улице бычки, пока кто-то стоит на шухере, или хотя бы раз поучаствовать в засадах на младшекласников с целью экспроприации завалившейся у них по карманам мелочи.

Он не любил лазать по наполненным романтикой, бытовым мусором и грязной водой подвалам в поисках тайного подземного хода в соседнее бомбоубежище, где при случае можно разжиться настоящим противогазом; не умел украшать изнанку лестничных пролетов черными ожогами «хоттабычей», не увлекался научными экспериментами с магнietовой стружкой, марганцовкой, селитрой и ленточными пистонами, и потому ощущал себя стоящим на пыльной обочине шоссе, по которому проносится мимо шумная и разноцветная жизнь. Каждое утро он всходил по ступеням напоминавшего мавзолей крыльца школы, словно на эшафот.

Вместе с тем практически все предметы образовательной программы давались ему без особых усилий, оставляя после себя массу свободного времени. Эти часы Максим тратил на чтение, поскольку ничем, кроме изучения богатого содержимого бабушкиных книжных шка-

фов, он всерьез не увлекался. Так продолжалось, пока в его жизни не настал особый день, в корне изменивший наметившуюся было линию судьбы и повернувший ее в совершенно иное русло.

Со стороны этот день казался вполне обыкновенным, ничем не примечательным числом в календаре, одним из череды многих. С утра он отбыл семь школьных уроков, а после направился в противоположную от дома сторону: там, неподалеку от старинного женского монастыря, в одном из безымянных номенклатурных учреждений трудилась тётя Тося, у которой он должен был сегодня переночевать, пока бабушка обрабатывает комнату карбофосом в очередной попытке изжить вечных коммунальных тараканов. Тёте Тосе, впрочем, оказалось сейчас совсем не до него: в безымянное учреждение нагрянула внеплановая бессмысленная комиссия не то из обкома, не то из совмина. Цепко ухватив Максима за запястье холодной сухой ладонью, тётушка повлекла его по запутанным лабиринтам и в конце концов впихнула в какую-то затерянную в глубинах бесконечного здания дверь. «Саша, займи его чем-нибудь», – бросила она долговязому парню в очках, чья всклокоченная шевелюра торчала над горами громоздившихся повсюду картонных папок с бумагами.

Саша молча подвел Максима к стоявшему возле окна ящику, на пластиковом боку которого красовалось выдавленное промышленным прессом тавро «ЕС 1840», и заботливо усадил в скрипучее кресло с обивкой из старого красного дерматина. Извлек из бумажного конверта гибкую коленкоровую дискету, вогнал ее в сыто хрюкнувшую щель дисковод, и стоявший поверх ящика лупоглазый монитор внезапно ожил, озарился двумя небесно-синими панельками, испещренными непонятными письменами. Саша с мелодичным клацаньем набрал что-то на клавиатуре и коротко приказал:

– Играй.

Незатейливая игра называлась «Арканоид». При взгляде в монитор Максиму пришло в голову, что игра эта являет собою сконцентрированную суть всей его нынешней жизни в ее метафорическом измерении. Игрока олицетворяла суетливо мечущаяся по экрану ракетка, настойчиво пытающаяся пробить мячом прочную кирпичную стену. Мячик отчего-то ассоциировался в сознании Максима с отделенной от прочего человеческого организма головой. Время от времени стена снисходительно осыпала играющего скудными жизненными благами, позволявшими на краткий миг увеличить площадь ракетки или отрастить на ее поверхности включившийся по нажатию клавиши «пробел» сдвоенный пулемет, однако все эти данайские дары преследовали лишь одну общую цель: ненадолго сделать бессмысленный и бесконечный труд играющего чуть более эффективным. Иногда стену удавалось разрушить, и тогда перед взором Максима незамедлительно вырастала новая стена – еще более прочная и низкая. Финала игра не имела: так или иначе стена побеждала всегда.

Выходя поздним вечером в сопровождении тётушки Тоси на умытый дождем проспект, в мокром асфальте которого тонули отражения зажегшихся фонарей, Максим понял, что прежним он уже не будет никогда. Компьютер захватил его разум, заняв в нем вакантное прежде место смысла, сути и цели. Подняв глаза к похожему на оберточную бумагу влажному ленинградскому небу, он поклялся себе, что когда-нибудь проникнет в этот неприступный и пока совершенно непонятный мир, где под суетливыми движениями нарисованной потоком электронов ракетки кроется изнанка из небесно-синих магических таблиц. А значит, однажды он все-таки сумеет разрушить эту непробиваемую кирпичную стену.

О том, чтобы завести собственный компьютер, не могло быть и речи: настоящие электронно-вычислительные машины водились исключительно в исследовательских институтах и серьезных организациях вроде тётушкиной конторы, а стоили, пожалуй, немногим меньше межпланетной космической станции. Иметь дома такую технику казалось Максиму недостижимым. Тем не менее, непреодолимое желание распирало его изнутри, обжигало пламенем,

не давая ни минуты покоя. В журнале «Моделист-конструктор», который бабушка вот уже несколько лет выписывала по его просьбе, Максим отыскал принципиальные схемы радиолюбительского компьютера «Специалист», однако, трезво оценив свои более чем скромные навыки обращения с паяльником, всё же оставил идею самостоятельной сборки такой сложной машины. Да и денег на нужные детали у него, положила руку на сердце, не водилось.

Однажды, разбирая полки и ящики стоявшего возле окна письменного стола, Максим наткнулся на некогда принадлежавший матери, а теперь позабытый среди ненужных бумаг и карандашных огрызков программируемый калькулятор «Электроника МК-61». Пример программы для этого нехитрого устройства отыскался в том же самом журнале, а вскоре выяснилось, что для него можно писать даже игры, и это новое увлечение захлестнуло Максима с головой. Программы для калькулятора, способные вместить не более ста пяти команд, напоминали шифровку из увлекательного романа про шпионов. Код игры приходилось долго и старательно набирать на клавиатуре, сверяясь с тетрадным листочком, где была записана нужная последовательность нажатия кнопок.

После запуска программы индикатор несколько минут таинственно мерцал болотно-зелеными всполохами – и наконец демонстрировал либо цепочку цифр, означавших, что игра началась, либо каббалистическое слово «ЕГГОГ», если Максим ненароком ошибался в порядке нажатия клавиш. Самой любимой его игрой была «Посадка на Луну»: калькулятор показывал текущую скорость космического корабля и расстояние до планеты, а игрок должен был задавать с клавиатуры значения тормозящего импульса. Переборщишь – и навсегда останешься в ледяной пустоте открытого космоса, недоберешь – и разобьешься о холодные лунные камни. Прикидывая в уме соотношения дистанции и скорости, Максим всякий раз представлял себя отважным покорителем пространства, астронавтом, ведущим свой корабль к естественному спутнику Земли, бесстрашным исследователем, в руках которого сосредоточены судьбы человечества. После отключения питания программа бесследно стиралась из памяти калькулятора, и в следующий раз ее приходилось кропотливо вводить заново.

Перепробовав игры под названиями «Извилистая дорога», «Колхоз» и «Космический пират», Максим попутно освоил принцип записи значений в стековые и адресуемые регистры памяти, методы реализации условных переходов, магию циклов и ветвлений. Вскоре он сам принялся придумывать замысловатые приключенческие сюжеты, в которых неутомимый герой бился с инопланетными монстрами, захватывал города и покорял иные галактики – притом всё это действие разворачивалось в недрах аналогового черно-зеленого индикатора, питавшегося силой трех батареек «Квант» и бурной подростковой фантазии. Истрепанная и украшенная чайными пятнами тетрадка пухла и росла, наполняясь замысловатыми кодами, а сам Максим просиживал часы напролет над заваленным бумагой столом, покусывая колпачок авторучки и раздумывая над очередным хитроумным алгоритмом. В один прекрасный день он поймал себя на мысли, что процесс составления программ увлекает его даже больше, чем сама игра.

Меж тем ветер перемен крепчал, и без всякого штормового предупреждения набрав однажды неудержимую ураганную силу, сорвал с флагштоков алые полотнища, на месте которых вскоре заплескал и заполоскался незнакомый трехцветный стяг. В холодильнике сделалось гораздо просторнее, а бабушка стала курить в окно намного чаще. Окружавшая Максима атмосфера тоже неуловимо изменилась: несмотря на выросшие у дверей магазинов километровые очереди и стихийно образовавшиеся возле станций метро островки свободной торговли всем подряд по стремительно взлетающим ценам, дышать, вроде бы, стало вольготнее.

Из телевизора, точно из прорванной плотины, хлынули бурные потоки сенсаций и разоблачений, а ведущие принялись восторженно обсуждать в прямом эфире такое, о чем раньше обыватели лишь изредка переговаривались у себя на кухнях. Яркие журналы с полуобнаженными красавицами на обложках потеснили на полках газетных киосков привычные «Вечёрку»,

«Правду» и «Советский спорт», а на улицах среди потертых «Жигулей» и «Волг», словно ледоколы посреди арктических торосов, все чаще стали дрейфовать тонированные наглухо «девятки» с коротко стриженными крепкими парнями внутри. Однако Максим обращал внимание на все эти перемены лишь проходя, вскользь, поскольку время его было занято нахлынувшей экзаменационно-абитуриентской суетой. Тревожный призрак армейской службы милостиво обошел его стороной благодаря удачному союзу сколиоза, близорукости и плоскостопия, потому Максим всецело погрузился в учебную рутину.

Отшумели школьные выпускные вечера и вступительные экзамены. Вернувшись домой однажды вечером, Максим неожиданно обнаружил там усталую и словно растерявшую привычные краски маму: военные корабли вдруг стали никому не нужны, а вместе с ними сделались никчемными и тысячи специалистов, трудившихся над их проектированием и постройкой. Работы на горизонте не предвиделось, как не просматривалось там и особых надежд на лучшее. За чашкой чая с вишневым вареньем семейный совет постановил сдать мамину «однушку», чтобы хоть как-то перебедровать тяжелые времена, тогда как ее хозяйку решено было на время переселить в бабушкину комнату.

И без того тесная коммуналка стала еще теснее. Будучи ленинградцем, Максим не мог претендовать на комнату в общежитии, однако разбушевавшийся ветер перемен принес с собою и новые порядки: за небольшую мзду комендант охотно закрыл глаза на столь вопиющее нарушение режима проживания, и Макс без труда получил на руки вожделенный пропуск. Впрочем, студенческое общежитие все больше напоминало оживленный восточный базар: в коридорах и на общественных кухнях толпились, поминутно хлопая дверьми, крайне подозрительные личности, лица которых Максим даже не пытался запомнить, поскольку менялись они с поразительной быстротой. И хотя жилищный вопрос ему на время удалось разрешить, проблема финансового плана тут же выбралась на передний план и поднялась в полный рост: за комнату требовалось платить, а скромной стипендии и тех крох, что периодически подбрасывала ему со своей «блокадной» пенсии бабушка, едва хватало на еду. В этот самый момент судьба вновь совершила неожиданный кульбит и обернулась так, что жизненный путь Максима пересекся с компьютерами во второй раз.

...Толик был долговым сутулым парнем с бесцветными бровями и белесыми ресницами, перманентно пребывавшим в том неопределенном возрасте, который можно охарактеризовать фразой «молодой человек средних лет», что обыкновенно означает от двадцати пяти и примерно до тридцати. Обитал он в однокомнатной квартире на первом этаже, как раз под комнатой бабушки, которую связывала с мамой Толика старая соседская дружба. Подробностей о его жизни Максим не знал, да в общем-то особенно и не интересовался ими, слышал только, что тот подвизается аспирантом то ли в Политехе, то ли в институте Ульянова-Ленина. В субботний день, когда Максим решил навестить родной дом с целью поесть хоть чего-то отличного от опостылевшей яичницы и пельменей, бабушка упомянула вскользь, что Толик спрашивал про него вот буквально позавчера.

– Говорит, что-то давно не видно тебя, пропал куда-то. Я ответила, что ты в общежитие временно перебрался, поближе к институту.

– А чего хотел-то? – поинтересовался Максим, макая еще теплый румяный блин в тягучую сгущенку.

– Ой, да не знаю. Он в последнее время какие-то дела темные крутит, каждую неделю привозит что-то, потом увозит. Раиса, мама его, говорит, он всю квартиру своими ящиками заставил, ступить негде. У нее он тоже про тебя спрашивал, помощника вроде бы ищет.

Толик обнаружился во дворе: деловито сопя, он перетаскивал вместительные картонные коробки из помятого универсала «Иж» в распахнутую дверь собственной конуры на первом этаже. Первая буква в надписи «Комби» на откинутой задней дверце его «Москвича» давно

затерялась под слоем ржавчины, и вместо нее прямо на краске гвоздем была выцарапана литера «З».

– Пособи-ка, – попросил Толик, кивнул в сторону груды таких же разномастных коробок, накиданных вместо демонтированного заднего сидения, и Максим без возражений присоединился к погрузочно-разгрузочным работам.

В коробках оказались компьютеры – вернее, корпуса, клавиатуры, провода, мониторы и другие детали, источавшие пьянящий, волнующий электрический аромат текстолита и пластика, который Максим не мог спутать ни с чем другим. Пара коротких фраз прояснила исходную диспозицию: Толик со своими компаньонами скупал мелкими партиями вышедшую из употребления технику в Финляндии, перевозил ее в качестве лома в Питер, а потом, собрав и очистив от пыли, перепродавал кооперативам и частным лавочкам, сметавшим заграничную электронику точно горячие пирожки. Заказы у Толика были расписаны минимум на месяц вперед. Однокомнатную квартиру своей матери он превратил в офис-склад: на полу, на столе и даже на подоконнике, да буквально повсюду громоздились разнокалиберные системные блоки, в углу высилась груда мониторов, поверх которых покоился на пластиковом боку полуразобраный матричный принтер «Robotron». От одного вида такого богатства у Максима перехватило дыхание и предательски закружилась голова.

– Есть работёнка, – перешел к делу Толик, захлопнув дверь «Москвича» и отряхнув натруженные ладони. – Мы товар три раза в неделю завозим, по понедельникам, средам и пятницам. Что-то сами через кордон на «челноках» таскаем, что-то перекупаем у барыг. Надо встретить машину, разгрузить, пересчитать «железо». Еще расфасовать по коробкам согласно списку – Мишка, напарник мой, объяснит, чего куда. Потом барахлю надо в другую машину закинуть. Платить буду сотку «бакинских» в неделю.

Макс умножил в уме сто долларов на шесть рублей одиннадцать копеек – по текущему полуофициальному курсу – и мысленно присвистнул. Сумма получалась немалая, а работа выглядела совсем даже не тяжелой, ее вполне можно было совмещать с дневными занятиями в институте. Но самое главное – компьютеры. Просто находиться рядом с ними, пусть даже перетаскивая коробки с места на место, он уже считал для себя настоящей удачей. Если повезет и у него получится скопить немного денег, а потом договориться с Толиком... Окончание этой недодуманной до своего логического финала мысли потонуло в окатившей его волне детского восторга.

– Согласен!

– Ну вот и славно, – кивнул Толик, и в животе его что-то пронзительно запищало. Пошарив рукой под вытянутым джемпером в районе талии, он отцепил от брючного ремня небольшую черную коробочку на цепочке, в центре которой тут же вспыхнул яркой синевой крошечный жидкокристаллический экран. Толик задумчиво посмотрел в него и, нажав на одну из трех топорщившихся на корпусе кнопок, спрятал диковинное устройство обратно под свитер.

– Пейджер, – с деланным равнодушием пояснил он, искоса наблюдая за восхищенной реакцией Максима. – Короче, прямо завтра и начинай. В офис приходи к девяти, тебя Мишка встретит и введет в курс дела. Всё, бывай.

«Иж», дохнув на прощание облаком густого бензинового перегара, укатил.

Максим остался.

Со следующего дня жизнь его устремилась по новой головокружительной орбите. С утра Максим мчался в квартиру Толика, которую тот гордо именовал офисом, разгружал «Москвич» с компьютерным «железом», потом бежал на лекции, а после обеда, иногда даже не досидев до конца последней пары, спешил обратно, чтобы заняться сортировкой деталей и оттиранием грязи с компьютерных корпусов при помощи стирального порошка и мочалки.

Хуже всего было то, что ему волей-неволей приходилось общаться с мамой Толика, тётёй Раисой, которая явно не восторгалась постоянным присутствием в квартире чужих парней и превращением собственного жилища в помесь медвежьей берлоги и электронной мастерской. Однако эта добрейшая женщина стоически терпела все неудобства и даже время от времени подкармливала Максима и Мишку домашним супом с макаронами и картошкой. Мишка жрал дармовые обеды с восторгом и удовольствием, Максиму же всякий раз делалось жутко неудобно и неудобно и он вежливо отказывался, ссылаясь на то, что может в любой момент подняться пообедать к бабушке. Сам же, стараясь не попасться ей на глаза, чтобы избежать ненужных расспросов, отправлялся за батоном и «Тархуном» в соседний универсам, а потом наспех съедать добычу прямо в парадной.

Вскоре тётя Раиса собрала свой нехитрый скарб и съехала: Толик купил ей отдельную квартиру где-то на Петроградской стороне, и тесная «однушка» наконец превратилась в офис уже совсем по-настоящему. Теперь Максим мог проводить здесь все свободное время, а иногда – даже оставаться до утра, благо пользоваться туалетом, душем и иными благами цивилизации ему никто не запрещал, а сам Толик появлялся в поле зрения крайне редко и ненадолго: ему все время было некогда.

Очень быстро Максим научился по внешнему виду отличать мониторы стандарта CGA от мониторов стандарта EGA, сноровисто упаковывать интерфейсные платы в коробку с надписью «Мультикарты ISA», а продолговатые планки оперативной памяти, напоминавшие маленькие шоколадные плитки, – в другую коробку, на боку которой было криво выведено фломастером магическое заклинание «SIMM EDO/FPM». А главное, вскоре он начал самостоятельно собирать нужные комплектующие по спискам, которые заблаговременно составлял для него Мишка. Понемногу и с неохотой тот стал уступать ему свое насиженное место возле стоящего в дальнем углу единственного рабочего компьютера – Максим наловчился изготавливать и редактировать документы в текстовом редакторе «Фотон» и распечатывать их в трех экземплярах через несколько листов копировальной бумаги на трескучем «Роботроне». Поначалу он даже завел специальную тетрадку, в которую терпеливо выписывал команды MS-DOS и назначение функциональных клавиш в «Нортоне», но Мишка пресёк его мучения, притащив откуда-то затрепанную до дыр коричневую книжицу с надписью на обложке «IBM PC для пользователя».

– Евангелие от Фигурнова, – торжественно представил он это литературное творение, вручая книгу Максиму, – восприми писание сие, отрок, ибо подобен ты агнцу, блуждающему во тьме невежества своего!

– Чего? – оторопело переспросил Максим, отвлекаясь от сверки очередной накладной с составленным от руки перечнем разбросанных по коробкам деталей.

– Учи матчасть, не будь бараном, – перевел с литературного на русский Мишка и, бросив книжку на стол, гордо удалился на кухню пить пиво.

С книгой дела и вправду пошли гораздо быстрее.

Оставаясь в офисе по ночам, Максим просиживал в компании служебного компьютера часы напролет, а утром отправлялся в институт с красными, как у кролика, глазами. Практически сразу он определил истинную причину того явного нежелания, с которым Мишка уступал ему свое место за клавиатурой: беспорядочно разбросанные по столу пятидюймовые дискеты были доверху наполнены разнообразными играми.

На одной из них, в мрачных каменных лабиринтах, стены которых освещались тусклым светом оранжевых факелов, обитал «Принц Персии». Принц, как это водится у царских наследников, страстно желал спасти свою возлюбленную принцессу, которая терпеливо ждала его где-то в недостижимой и неприступной башне. Он смело перепрыгивал через зияющие провалы, со дна которых вырастали, точно побеги лука-порея, смертоносные острые шипы; карабкался

по отвесным стенам и подобно олимпийскому гимнасту подтягивался на руках, тшась перебраться с этажа на этаж этого нескончаемого лабиринта. Время от времени Принц вступал в схватки с вооруженными саблями стражами в чалмах, которые дежурили в мрачных закоулках этого тесного мирка. Максим считал игру нелепой и бессмысленной: коридорам и переходам не было конца, а если Принц погибал, оступившись в пропасть или угодив под клинок стража, ему приходилось начинать свое бесконечное путешествие сначала. Да и раздававшаяся из встроенного в компьютер динамика заунывная восточная мелодия действовала на нервы.

Гораздо интереснее была игра «Sokoban», в которой Максим управлял грузчиком, перемещавшим с места на место тяжелые ящики. Грузчик должен был расставить их по местам в одной из комнат соединенного коридорами склада, не замуравив себя ненароком где-нибудь в пыльном углу. Эта логическая головоломка чем-то напоминала Максиму классическую игру «пятнашки», пластмассовую коробку с которой подарила ему мама на двенадцатый день рождения – там от него требовалось передвигать по квадратному полю помеченные цифрами фишки, чтобы рассортировать их по порядку. Похоже, заморские создатели «Sokoban'a» черпали свое вдохновение именно оттуда.

Другой игрой, надолго захватившей внимание Максима, стала «Цивилизация». Монитор его компьютера превращался в сине-зеленую карту, расчерченную густой сетью дорог, на перекрестках которых словно по волшебству возникали города. Игроку следовало развивать свою собственную империю, строить новые поселения, совершенствовать технологии и укреплять войска, организовывать походы против соседей и завязывать с ними дипломатические отношения. Несмотря на примитивную и грубую графику – города обозначались помеченными цифрами квадратиками, а в прямоугольниках, символизирующих армии, можно было лишь с большим трудом опознать силуэт колесницы или лучника – игра оказалась захватывающей. Чтобы одержать победу, обогнав конкурирующие цивилизации в развитии, следовало непрерывно думать и планировать свои действия на несколько шагов вперед.

Деньги Толик выплачивал регулярно, но в руках Максима они надолго не задерживались. На первую же зарплату он купил себе красивые, вкусно пахнущие чем-то химическим бело-синие турецкие кроссовки из дутого пластика, а чуть позже разжился чрезвычайно модным болоньевым спортивным костюмом с вышитой на груди надписью «Puma» и крутой сумкой-кенгуру, которую можно было носить, застегнув на пояс. Чтобы логически завершить портрет клёвого пацана, он соорудил на голове стильную стрижку платформой, а шнурки в кроссовках покрасил аптечной зелёной. Но счастье все-таки казалось неполным. Он мечтал о собственном пейджере и иногда даже грезил о совершенно невозможном сотовом телефоне «Моторола», каким обзавелся Толик, только что сменивший дряхлый «Москвич» на чуть менее дряхлый, но гораздо более угловатый и чемоданоподобный бежевый «Вольво», а вытянутый свитер с оленями – на вишневый клубный пиджак с блестящими золотистыми пуговицами.

На подоконнике в их офисе обитал привезенный Толиком из Финляндии комнатный радиотелефон с выдвижной антенной: Максим любил выходить по вечерам на крыльцо, где, закуривая индийский «Капстан», набирал чей-нибудь номер и, шурясь на низкое осеннее солнце, ловил на себе заинтересованные взгляды прохожих, в сознании которых черная трубка с антенной неизменно попадала в разряд невиданной заморской роскоши. В такие минуты Максим испытывал сладкое головокружительное чувство, которое, увы, бесследно проходило, как только сигарета дотлевала до фильтра и нужно было снова возвращаться к работе.

Спустя пару недель он сумел наконец осуществить и другую давнюю мечту. Правда, первая попытка взять эту неприступную доселе вершину закончилась для него обидной и крайне неприятной историей. Эксперимент готовился долго и тщательно, был даже проведен опрос среди однокурсников, у которых Максим подробно выпытал требуемую рецептуру. Купив на

раскинувшемся вокруг площади Мира стихийном рынке темно-синие джинсы, Максим притащил их домой, скрутил в немыслимый тугой узел, обмотав его на всякий случай поверху бельевой веревкой, а затем запихнул получившийся комок в позаимствованную у бабушки кастрюлю. Пробравшись на кухню, он наполнил кастрюлю до половины водопроводной водой и насыпал внутрь пару стаканов сухой хлорки. Добавив туда для верности хлорного же отбеливателя, он поставил диковинное варево на плиту.

Однако, несмотря на правильные ингредиенты, с хлоркой Максим все же переборщил: швы на джинсах буквально растворились в кипящем вонючем бульоне, и вместо крутых новомодных «варенок» он получил несколько лоскутов посеревшей скукоженной ткани, предательски расползавшейся на его тощей заднице. В дополнение ко всему он заработал еще и знатных тумачов от бабушки в качестве благодарности за испорченную кастрюлю и жуткий запах, распространившийся по всей квартире и проникший даже на лестничную клетку.

Вторая попытка прошла куда успешнее: Максим просто купил в ларьке готовые варёные джинсы-бананы с зелено-красной надписью «Mawin» на заднем кармане. В таких джинсах можно было смело выходить на люди: например, посетить дискотеку, которую устраивали по пятницам во Дворце молодежи, или, потратив рубль, посмотреть боевик про ниндзя с участием великолепного Шо Касуги в видеосалоне, что организовали в расчищенном от хлама соседнем подвале двое предприимчивых парней.

В общем, заработанные финансы быстро расходились на одежду и развлечения, а оставшуюся мелочь он тратил на сигареты «Капстан» или «Atlantis» с американским шаттлом на кумачовом фоне, которые быстро расстреливали у него привыкшие к «Стюардессе» и «Родопи» однокурники. Наверное, подкопив, Максим даже смог бы купить себе простенький домашний компьютер вроде «Спектрума», что заполонил в последнее время все городские рынки, однако «взрослые» и невероятно дорогие IBM-совместимые машины к этому моменту уже целиком захватили его мысли и пленили сознание.

В тот удивительно теплый и солнечный зимний день Максим отбыл очередные институтские пары и привычным маршрутом отправился в контору, где его поджидала незавершенная накануне работа. Нужно было доукомплектовать два уже почти собранных компьютера, скопировать на них операционную систему и текстовый редактор «Лексикон», а напоследок – на всякий случай проверить диски антивирусом AidsTest.

На чистом, не по-декабрьскому лазурном небе сияло солнце, обнимая город золотом перед приходом скорых питерских сумерек. Высыпавший с утра снег искрился в его лучах, аппетитно хрустел под подошвами башмаков, и настроение от этого становилось таким же безоблачным и ярким. В столь замечательный день просто не могло стрястись ничего дурного, думал Максим, ведь подобные дни для этого никак не предназначены. Однако на сей раз судьбе было угодно распорядиться иначе.

Дверь в офис вопреки обыкновению оказалась приоткрыта, что удивило Максима: обычно Мишка запирает вход изнутри, опасаясь незапланированного визита соседей, непрошенных коммивояжеров или расплодившихся в последнее время проповедников с бесплатными брошюрками. Впрочем, самого Мишки в офисе тоже почему-то не было, зато обнаружился феноменальный бардак, еще более невообразимый, чем обычно. Выпотрошенные картонные коробки и ящики были разбросаны по коридору в хаотическом порядке, они громоздились друг на друге, на полу, вдоль стен, и тянулись неопрятным шлейфом в единственную комнату, из которой доносились приглушенные голоса. Еще не понимая, что здесь стряслось, Максим направился туда.

Толик сидел на корточках возле окна, привалившись спиной к стене и прикрыв лицо рукой. Кроме него в помещении присутствовало еще двое незнакомых личностей: совершенно квадратный в пропорциях парень, над воротником кожаной куртки которого, словно выплыв-

шее из таза тесто, образовывалась массивная шея в складочку, плавно переходящая в стриженный почти под ноль бугристый затылок, и долговязый тип в длинном черном плаще. Приглядевшись, Максим заметил, что второе запястье Толика пристегнуто к батарейной трубе наручниками.

– Ты кто, пля? – обернулся к вошедшему квадратный. Интерфейс его оказался даже менее дружелюбным, чем обратная сторона: глубоко посаженные глаза под тяжелыми надбровными дугами смотрели колко и зло, массивная, будто вырубленная топором челюсть двигалась, ритмично перемалывая жвачку.

– Я это... – растерянно выдавил из себя Максим, пятясь к дверям. По спине ледяными струйками побежал пот, а сердце сжало накатившей волной животного страха. Вся былая беззаботность улетучилась в краткий миг, и он остался один на один с этим ужасом, хотя, наверное, не смог бы описать предметно, чего именно боялся – парализующий страх витал в самой атмосфере комнаты, пропитывая ядом его нервные клетки с каждым новым вдохом.

– Да я, пля, вижу, что ты это, – ухмыльнулся квадратный. – Тебе чо тут надо, пацан?

– Это работник... – поднял голову Толик, и Максим с ужасом увидел, что вся левая половина его лица представляет собой сплошной синюшно-багровый кровоподтек, – недавно наняли...

Долговязый коротко пнул сидящего под ребра острым носком лакированного ботинка и хрипло произнес:

– Хлебницу завали, коммерс.

Затем, повернувшись к Максиму, добавил:

– Слышь ты, работник нах, вали отсюда по-быстрому.

Дважды Максима упрашивать не пришлось – сам не заметил, как в считанные секунды очутился на улице, за несколько кварталов от дома, под ярким зимним солнцем и насмешливо искрящимся снегом. Пошарив по карманам, достал мятую пачку «Капстана», сунул в рот сигарету, затянулся. Руки предательски тряслись. К горлу подкатила противная тошнота, и Максим звонко икнул, поперхнувшись сигаретным дымом. Чертову икоту удалось одолеть только спустя десяток минут, до мушек в глазах задерживая дыхание и считая про себя до тридцати.

Что делать дальше, он не представлял. Поглядел на притулившуюся у шершавой стены ближайшего дома телефонную будку: надо бы разыскать Мишку, но он не знал ни его адреса, ни номера телефона. Может, попробовать связаться с кем-нибудь из общих знакомых? Максим в отчаянии выплюнул окурок на асфальт и растоптал его: попросить совета было просто не у кого. Он не знал даже, где искать маму Толика, тётю Раису. Бежать в милицию? Да без толку: эти ребята эффективно борются лишь с загулявшими пьяницами, карманы которых можно втихаря обчистить при проверке документов, против бандитов они бессильны, да и, ходят слухи, часто действуют с ними заодно.

При мысли о тёте Раисе Максима внезапно осенило: дача! У Толика есть дача в старом садоводстве под Выборгом, откуда они с Мишкой несколько раз забирали разное компьютерное барахло. Дача нередко использовалась партнерами в качестве перевалочной базы по пути из Финляндии в Питер, и оба Максимовых работодателя часто наведывались туда по делу или просто пожарить шашлыки на природе да попариться в баньке на выходных. Никаких других зацепок у Максима не осталось: если и пытаться разыскать Мишку, то нужно ехать туда. Не найдет, так хоть оставит записку. Он снова навел ревизию в карманах, позвенел мелочью: на электричку должно было хватить. В крайнем случае, обратно можно проехать зайцем.

Мишка заголошнo метался по дачному домику, хватая из шкафа одежду и заталкивая ее в разинутую пасть большой дорожной сумки. Повезло: еще полчаса, и Максим точно не застал бы здесь никого.

– Нету лавэ, – с ходу разрушил тот все его надежды.

– Мне Толик за три недели должен...

– Он, сука, всем должен. – Мишка на мгновение замер, обводя окружающую действительность задумчивым взглядом: не забыл ли чего? – Этим вон тоже...

– Мишань, мне за комнату платить надо...

– Нету лавэ, слышал? – категорично отрезал Мишка, вжикнул молнией и кивнул в сторону двух вместительных коробок, громоздившихся в углу веранды. – Хочешь вон – забирай в счет оплаты.

– Что это? – повернулся в указанном направлении Максим.

– Триста восемьдесят шестой. На той неделе привезли, всё равно теперь толкнуть не выйдет. Да не ссы, нормальный комп, хоть и бэушный. Берешь?

Это был риторический вопрос: Максим, пытаясь унять зачастившее вдруг сердце, уже вовсю раздумывал, как он в одиночку дотащит две здоровенные и тяжелые коробки – с системным блоком и монитором – до электрички, а потом до дому.

Глава 2. MeGaZ0Id

Клик-клик. Двойное нажатие клавиши «Esc» было заклинанием, открывавшим Максиму, будто сказочному Али-Бабе, вход в дивную пещеру с сокровищами. BBS – Bulletin Board Systems, или электронные доски объявлений – захватили его в плен, похитили без остатка все свободное время от захода солнца и до рассвета.

Сама мысль о том, что теперь возможно вот так вот запросто соединиться с другим компьютером, установленным – подумать только! – за несколько километров от дому, а может быть и вовсе на другом конце огромного города, была революционной и фантастической. От неё захватывало дух и кружилась голова. С той стороны на подключенной к телефонной линии персоналке работала специальная программа, позволявшая скачать какой-нибудь файл, просмотреть оставленные другими пользователями текстовые сообщения или отправить на виртуальную доску собственное послание. С самого первого момента соединения на экране начинал тикать таймер: борда отводила пользователю на все про все лишь несколько коротких минут, а потом безжалостно разрывала связь, позволяя дозвониться другому абоненту. Тогда Максиму приходилось вновь подолгу слушать перестукивание накручивающего заветный номер модема, пытающегося пробиться сквозь прерывистый пульс сигнала «занято».

Борды организовывали обычные люди, энтузиасты, такие же, как и сам Максим: владельцы BBS носили гордое наименование «системные операторы», или, сокращенно, «сисопы», они же придумывали правила и утверждали тематику собственной станции. Обычно сисоп запускал программу на принадлежавшем какой-нибудь конторе рабочем компьютере, уходя поздно вечером домой, однако Максим знал, что многие борды крутятся и на домашних персоналках. Вот почему в ходившем по рукам и постоянно обновлявшемся списке телефонных номеров, называвшемся «bbs-list», всегда указывалось время активности, которое следовало четко соблюдать: большинство станций работало по ночам, а дозвонившись модемом в неурочный час, можно было вместо приветственного зуммера услышать в динамике недовольное «алло?», а то и вовсе трехэтажную брань.

Сисопы считались белой костью, высшей кастой, компьютерной элитой. Они регулярно собирались на тусовки – «сисопки», анонсировавшиеся на тех же бордах. Там они пили пиво, обсуждали последние новости и менялись дискетами с софтом и играми. Максиму, простому пользователю, вход на сисопки был заказан. Наверное, он и сам смог бы настроить на своем компе нужную программу и организовать BBS, но в бабушкиной коммуналке, куда он вновь перебрался от безденежья, приходилось делить телефонную линию с соседями, которые и без того выражали недовольство Максимовыми ночными бдениями, тревожившими их сон. В любую минуту кто-нибудь из обитателей квартиры мог в очередной раз перерезать кухонным ножом линию, по-партизански подключенную к общей телефонной розетке и протянутую Максимом в свою комнату.

Больше всего ему нравилась BBS под названием «MegaBoard» – здесь можно было скачать не только кучу полезных программ, но и множество позаимствованных из зарубежных журналов страниц с фотографиями развратных девиц различной степени обнаженности. К картинкам этим Максим проявлял неутраченный интерес: отношения с живыми девушками у него как-то не складывались, а нерастраченная юношеская энергия постоянно требовала выхода, отыскать который в тесной комнате коммуналки было непросто. Скачав очередную девицу с «Мегаборды», Максим всякий раз спешил уединиться в ванной или туалете, время от времени вызывая недовольный ропот из-за соседских дверей или выслушивая доносившийся ему в спину сонный крик пьяного Валерика: «у тебя там, скотина, недержание, что ли»...

Снимки были отвратительного качества, однако Максима это совершенно не смущало: все равно выдавший виды монитор у его «трёшки» был тусклым и черно-белым. По этой же

самой причине он практически не играл в компьютерные игры: яркие и красочные «X-Com», «Дюна» и «Warcraft: Orcs & Humans» в черно-серой палитре подслеповатого кинескопа полностью утрачивали свою исходную привлекательность. Время от времени он запускал лишь «Wolfenstein 3D» и часами бродил по замысловатым подземельям секретной военной базы, расстреливая из автомата фашистов, что напоминали ему своей угловатой внешностью давешнего квадратного бандита: палитра игры изначально задумывалась мрачной, и черно-белый дисплей был не в силах ее испортить.

Забросив игры, Максим притащил из институтской лаборатории дискету с компилятором «Турбо-Паскаля»: посредством этой вполне профессиональной среды разработки он создавал и запускал на своем компьютере разные несложные программы. А прекрасным подспорьем для него выступала все та же «MegaBoard»: борда оказалась настоящим кладом исходников, которые Максим тщательно разбирал и изучал, силясь понять, как работает тот или иной фрагмент кода и можно ли его улучшить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.